

18+

Вадим Голубев

Группа смерти

Детективы

Вадим Голубев

Группа смерти. Детективы

«Издательские решения»

Голубев В.

Группа смерти. Детективы / В. Голубев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984405-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Жизнь преподносит людям не только хорошее.

Хватает в ней зла, обмана, подлости. Кто-то прощает. Кто-то обращается в правоохранительные органы. Кто-то начинает мстить, забывая при этом, что объекты их гнева — тоже граждане страны. Этим — далеко не лучших представителей общества — тоже защищает закон, и нести ответственность за казалось бы справедливые действия придется по всей его строгости.

ISBN 978-5-44-984405-7

© Голубев В.

© Издательские решения

Содержание

БИОМУСОР	6
Путь в пекло	6
Наших бьют!	15
Запас лохов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Группа смерти Детективы

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2026

ISBN 978-5-4498-4405-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БИОМУСОР

Путь в пекло

Евгений Анатольевич Стародубцев был профессиональным мошенником. Началось с молодых лет, когда он перебрался после армии в Большой город и нанялся там дворником. Тогда со сводным братаном Мишей Кильманом взяли напрокат магнитофон «Комета». Пропили его. Думали: «прокатит». Не вышло. Как ни меняли они места работы, а дворникам «при коммунистах» давали комнатуху где-нибудь в подвале, довольно быстро нашла их советская милиция. Был суд, был срок — пять лет лишения свободы. Оказалось, «на зоне» жить вполне можно. Кормили не хуже, чем в армии. К тяжелому физическому труду Жека Стародубский, такое «погоняло» дали парню в исправительно-трудовой колонии, привык. На коленях перед лагерной администрацией не ползал. С реальными бандитами «в бутылку не лез», но и не пресмыкался перед ними. Отбывавшие сроки аферисты взяли молодого зека под свое крыло. Правда, посмеивались: «Мы за дело сюда попали, а ты по глупости! Постигай тюремные университеты! „Откинешься с зоны“ будет тебе нормальная, денежная работа».

Выйдя из лагеря, Жека оказался в совсем другой стране, где свободно ходили доллары, магазины ломались от зарубежных товаров, а по улицам рассекали машины иностранного производства, прозванные в народе «иномарками». Для публики попроще работали палатки с недорогими изделиями. Там же кучковались бабки, торговавшие барахлишком, оставшимся от прежних времен, тусовались бомжи с битыми мордами, опухшие от пьянства бомжихи с фингалами под глазами. Для них была вольница. Не надо работать, всегда пьяные. Правда, жить приходилось где попало и жрать что придется: либо найденное в отбросах, либо уворованное в лавчонках. Женька же с тоской смотрел вслед дорогим машинам, рулившим в них упакованным дамам и господам. Пошел по адреску, данному корешами еще «на зоне». Там спросили, почему нет наколотого на пальце перстенька?

— Ребята не посоветовали, — ответил Жека. — Говорят: «Нам — мошенникам с ними никак нельзя. Увидят татушку, даже последний лох доверять не будет».

— Правильно сказали! Сегодня отсыпайся, завтра на работу!

Началась работа. Стародубский ходил по магазинам и лавчонкам. Покупал мелочевку, расплачивался фальшивыми банкнотами, получал сдачу настоящими рублями. В конце дня отдавал выручку хозяевам. Пару раз обыскали: не присвоил ли чего? Не присвоил. Через какое-то время купили приличный прикид: костюм с галстуком, рубашку, полуботинки. Стал Жека оперировать крупными подделками. Машинок, отличавших фуфло от «реального бабла» тогда еще не было. С рублей перешел на доллары и немецкие марки. Впаривал их торгашам. Сначала, выдавали пачки с сотнями австралов — аргентинских денег, вышедших из употребления лет пятьдесят назад. Их парень выдавал за австралийские доллары. Убалтывал торговцев, показывал им газету с курсом валют. Давал сто австралов, получал сдачу российскими деньгами как с сотни австралийских баксов. Проходило. Женька даже научился говорить с акцентом, вставляя английские слова, кося под австралийца. Потом Евгения Анатольевича сфотографировали и через несколько дней принесли паспорт со штампом о регистрации в Большом городе. Предупредили, чтобы не шибко им тряс, поскольку документ фуфлыжный, а дом, в котором якобы Жека прописан, снесен много лет назад. Тогда же парню справили спортивный костюм с кроссовками, дабы не шибко изнашивал спецодежду. Даже временами водили «девок» — престарелых проституток, отдававшихся по дешевке, чтобы как-то заработать на жизнь. «Девки» были ленивые, не желавшие трудиться как следует. Не о их дряблых телах с целлюлитными конечностями мечтал парень долгими, лагерными ночами. Но терпел до поры,

до времени. Пока не освоится в Большом городе, не станет работать на себя, а не на дядю. После стали давать Стародубцеву паспорта потерянные или украденные у похожих на него молодых людей. С ними Евгений Анатольевич ехал в банки, брал кредиты на огромные суммы. Тогда еще банки не очень копались в подноготной заемщиков, проверяя достоверность удостоверивших личность документов, не требовали поручителей. Правда, занятие было опасным, нежели простое «кидалово». В случае чего банковские мордovorоты-охранники могли сделать инвалидом, затем сдать ментам. А там по новой: следственный изолятор, суд, «зона». Женька потребовал платить десять процентов с каждой аферы. Сказали:

— Жирно будет, харя треснет!

Сошлись на пяти процентах. Минус стоимость жилья, да долг за купленные «наряды». Однако и это была неплохая сумма, чтобы открыть счет в банке, поесть не в дешевой забегаловке, а в недорогом ресторане, коих открылось немеряно, заглянуть в бордель с молодыми девчатами из российской глубинки, Молдавии, Украины, не ломившими за труды и не ленившимися «в койке».

Потом к старому аферисту Мюллеру, прозванному за сходство с актером Броневым в фильме «Двенадцать мгновений весны», на которого «пахал» Жека заскочил худошавый, лысенький, похожий на хищную птицу мошенник по кличке Цепь. О чем-то потолковал с хозяином.

— Теперь, Женечка, будешь работать с ним! — кивнул на гостя Мюллер. — Ему такие, как ты нужны.

— Собирайся! — тоном, не терпящим возражений, приказал Цепь. — Поживешь по-человечески — в отдельной квартире. У меня этого добра хватает.

Стародубцева с его барахлишком, умещавшимся в спортивной сумке, отвезли куда-то на окраину, в обшарпанную «хрущобу», в прокуренную, ободранную однокомнатную малометражку. Кинули на продавленный топчан, как оказалось с клопами, застиранное, пожелтевшее от времени постельное белье. Ткнули в допотопный холодильник с початой бутылкой водки и нехитрой снедью.

— Покушать на первое время, — сказал новый хозяин. — Когда начнешь зарабатывать — купишь, что душе угодно. А зарабатывать ты начнешь с завтрашнего дня.

Цепь занимался черным риэлторством. Скупал квартиры у обедневших интеллигентов, да у пропившихся маргиналов. Годилось все: хоромы в «сталинских» домах и розово-кирпичных «райкомовских» постройках, в дышавших на ладан зданиях, доставшихся от «проклятого царизма», однотипных, подпорченных временем строениях, возведенных при Хрущеве с Брежневым. Задачей Жеки было под видом покупателя «убалтывать» стариков и алкашей. Последних также поить «паленым» суррогатом. Подсовывать жертвам договоры о купле-продаже жилья. Интеллигентам давали какую-то мелочь, хотя те подписывали договоры на совсем другие суммы в рублях или долларах. Пропойцам выставляли ящик водки. Тем и ограничивались. Когда же дедки и бабульки видели, что их жестоко обманули, кидались в милицию, квартиры уже были проданы по второму или третьему разу лохам, разбогатевшим по воле случая, и искавшим куда вложить капитал. Эти покупатели в соответствии с законом являлись «добросовестными приобретателями» и не подлежали к привлечению ни к уголовной, ни к материальной ответственности. Одним из таких «приобретателей» стал Стародубцев. Ему даже справили новый, настоящий паспорт с регистрацией в квартирке, куда его поселили. Провернув несколько сделок, Женька обратился к Цепи, запросил десять процентов от сделки.

— Жопа слипнется, — получил ответ. — У меня другие масштабы, нежели у Мюллера. Трех процентов хватит! Да и то, когда долг отработаешь.

— Какой-такой долг?! — возмутился молодой жулик.

— А ты знаешь, сколько я Мюллеру за тебя отстегнул? Много! Ксиву тебе настоящую справили. Регистрацию в Большом городе оформили. До хрена пришлось ментам отвалить!

Кормлю-пою. Тоже «бабок» стоит. Вот, еще деньжата. Купи новый прикид и «колеса» (обувь — жарг.)! А то ботинки ты истоптал, да и разжирел здесь. Костюмчик стал маловат. Вид получается непрезентабельный... Расходы на тебя у меня в блокноте записаны. Буду списывать по мере заключения тобой договоров со старлом, пьянью, прочими лохами.

Если работа на Мюллера была крепостным правом, при котором оставались деньжата, то «пахота» на Цепь оказалась рабством — за труды всего лишь не очень жирно кормили, время от времени ставя дешевой бутылку водки, да давали кров над головой.

— Когда же эта хрень кончится?! — метался по квартирке Жека, коему хотелось и девок, и посидеть в ресторане. — А не кинет ли Цепь, когда долг отработаю? Запросто! Не только с квартиры с голым задом наладит. Запросто может «замочить»!

Раньше «замочили» Цепь со всеми его подручными. На глазах у Жеки. Мошенники подъехали на паре машин к подъезду, где обретался Стародубцев. Курили, ожидая, пока он спустится. Вдруг рядом резко тормознул «Джип». Из него по компании резанули автоматными очередями. Затем поверженным «риэлторам» дали контрольные выстрелы в головы, и умчались. Женька, видевший все это в окно, затаился. Не открыл на звонки и стук в дверь прибывшим на место происшествия ментам. Потом пошелестел документами в хранившейся у него папке. Оказалось, ему принадлежат четыре квартиры, из них одна — «сталинка». Так, было записано в договорах купли-продажи. Правда, со «сталинкой» пришлось тут же расстаться. Вечерком к нему пожаловали мордвороты и низенький, шупленький восточный человек. Когда не прореагировал на звонки, открыли дверь отмычками. Дали в морду, представились:

— Мы от Папы Карло.

Папу Карло Жека знал еще по «зоне». Вор в законе, коему прочили место «смотрящего» по Большому городу, когда «откинется с зоны». Срок истекал вместе с женькиным.

— Знаем мы, что тебе Цепь хату в «сталинском» доме в центре оставил, — сказал восточный человек. — Перепишешь сейчас ее на меня. Нотариус ждет на улице, в «тачке».

— Что еще за хату? — «включил дурака» мошенник.

Снова получил в морду и ногой по печени, когда упал на пол.

— Бейрут! Может, эту аферню в лес отвезти и посадить голой сракой на муравейник? — лениво спросил один из подручных восточного человека.

— Зачем на гниду бензин трагить? — возразил другой. — Утюг ему на брюхо поставим и включим. Потом яичницу сделаем — яйца его на раскаленную сковородку положим.

— Не надо в лес! Я и Бейрута, и Папу Карло знаю! — взмолился проходимец. — Все подпишу! Сам срок мотал!

— Значит, порядок знаешь: делиться надо! В «общак» с доходов отстёгивать, помогать тем, кто сидит. Как говорят русские: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся!» Может быть и тебе еще «грев» понадобится.

Привели нотариуса — роскошную деваху в брильянтах. Она достала из дорогого портфеля дарственную на имя некого Карапетяна Ованеса Андраниковича, известного в определенных кругах под кличкой Бейрут.

— Вот, и хорошо! — удовлетворенно кивнул кавказский человек. — Проблемы будут — обращайся! Цепь нам дорогу перешел. Не хотел делиться, клиентов отбивал, несколько хороших сделок сорвал. Так-то! А за тебя Мюллер вписался, просил не губить.

Заперев дверь после незваных гостей, Жека задумался: как быть дальше? Внезапно ему в голову пришла неплохая идея. Правда, для ее осуществления требовались приличные деньги. Несколько дней ушло, чтобы продать заезжим провинциалам «двушку» на окраине. Переехать в другую «двушку». Сдать клоповник, в коем оказался по прихоти Цепи, паре китайцев. Затем в многочисленных бесплатных рекламных газетах появилось объявление: «Сингапурскому рыболовецкому флоту требуются рыбаки и матросы. Обучения не требуется. Зарплата от 2000 долларов США в месяц». В офис, арендованный в центре Большого города, повалил

валом народ. Прощельного вида девчата, нанятые Стародубцевым, валились с ног от усталости, отвечая на непрерывные звонки, принимая загранпаспорта, якобы для оформления сингапурских виз и деньги пятьсот долларов от каждого претендента за оформление документов. Никому не приходило в голову, что островное государство окружают Малайзия, Индонезия, Филиппины, граждане которых пошли бы вкалывать за куда меньшее жалование. Наиболее дотошным наученные Женькой девахи отвечали:

— Сами сингапурцы рыбу очень любят, но трудиться в море не желают. Предпочитают сидеть в офисах за компьютерами. Граждане сопредельных государств требуют за работу не меньше трех тысяч долларов в месяц. Посчитайте сами: на каждом российском рыбаке сэкономят тысячу баксов. С тысячи человек — сто тысяч! И это за один месяц! А контракт с вами заключается на год. Да и вам неплохо. За двенадцать месяцев двадцать четыре тысячи долларов. При этом бесплатное питание, плюс каюта на корабле. Не надо тратить деньги на жилье!

— И всей тысяче там найдется работа? — удивлялся кое-кто.

— Найдется! Даже еще потребуются люди. Посольство оформляет нам визы быстро, без всяких очередей. Правда, эти услуги стоят денег. Сумма — немаленькая, но окупается за месяц. Кстати, вот паспорта ваших коллег с визами, — девицы показывали документы с фуфлыжными печатями, не имевшими никакого отношения к тем, что проставлялись посольством города-государства.

— Когда можно вылететь?

— Мы отправляем людей группами. Так, принимающей стороне легче встречать и размещать на судах рыболовецкого флота. Как только соберется группа мы вам позвоним.

Подождав, пока наберутся деньги от тысячи доверчивых людей, Женька рассчитался с девчатами и смылся, не заплатив за аренду. Согласно документам, владельцем фирмы числился один из лишенных Стародубцевым жилья маргиналов, либо догоравший от «паленого» бухла в полу-заброшенной деревне, либо почивавший в болотной трясине, куда его определили подручные Цепи. Зато деньги аферист забирал у подчиненных наличными и складывал на свой банковский счет. Прихватил он с собой и несколько паспортов похожих на него мужчин. Оформил на них кредиты в банках. На несколько месяцев, пока уляжется шум, смотался в Таиланд, оттуда в Камбоджу, Лаос, Вьетнам, Малайзию, куда россиянам был открыт безвизовый въезд. Оттянулся там по полной в ресторанах, дорогих притонах. Потом покрытый южным загаром вернулся в Большой город. Пожаловал за квартплатой к китайцам. В однокомнатной квартире уже обретался десяток гостей из Дальнего Зарубежья. Хата была прокопчена, загажена, из сломанного в туалете бачка непрерывно лилась вода.

— Нет денег, хозяин! — нагло ответил китаёза, коему согласно договору Женька сдал квартиру.

— У такой своры и нет денег?! — возмутился обманутый аферист. — Когда будут? Когда заплатите?

— Когда-нибудь заплатим. У нас все на участкового мента уходит. Ему «башляем». Уходи! Не то участкового вызову. Сядешь! Я ему приведу девять свидетелей, что ты меня избил.

Четверо «косых» взяли хозяина «покоев» под руки, вышвырнули из квартиры. Пришлось идти к Бейруту. Тот послал бригаду амбалов, поехал сам. Китайцы пробовали отмахаться приемами кунг-фу. Дюжие мордovorоты по-простому «вырубили» их мощными ударами, погрузили в фургон. За городом, на бывшем колхозном поле нашли цистерну из-под горючего. Запахнули туда гостей Большого города. Бросили горящий факел. Запахло паленым мясом, послышался глухой вой.

— Люблю повеселиться! — хмыкнул Бейрут. — С тебя за услуги!

Ованес Андраникович набрал на мобильнике, показал высветившуюся на экране сумму. Жека крикнул, отдал пачку долларов. Еще одну привез следующим утром, когда открылся банк. Осталось немного, но хватило на следующую аферу.

Россия начала подниматься с колен, понемногу оправляться от ельцинской разрухи. Потекли в страну зарубежные капиталы, стали открываться офисы иностранных фирм, заработали заводы, заводики, мастерские. Ну а Стародубцев дал объявления о том, что в офис международной корпорации требуются помощники в возрасте от двадцати пяти до семидесяти лет. Кто же не хочет сидеть в уютном офисе и нажимать пальчиками на клавиши компьютера? Правда, для того, чтобы начать работать, требовалось пройти платное обучение. Ушлые провинциалы, узнав о плате, поворачивались и уходили. Зато большегородские старички и старушки скрупулезно записывали в тетрадки муть, излагаемую бывшими преподавателями экономических вузов, изгнанными за взятки, пьянство, связи со студентками. Мечтали пенсионеры: когда же, наконец, начнется работа, окупится плата за обучение, потекут рекой большие деньги? На вопросы об этом девицы-менеджеры курсов отвечали:

— Мы уже открыли четыре торговых площадки. Сейчас ищем помещение для пятой. Трудовой договор, запись в трудовую книжку? Мы работаем на транснациональную корпорацию! Там свои законы и нет никаких трудовых книжек! Да и зачем вам запись? Скоро вы начнете получать столько, что никакие записи с печатями вам будут не нужны!

Старло, близкое к окончанию «учебного заведения» свысока поглядывало на новичков. Тем еще предстояло пройти курс наук, а они уже совсем скоро начнут получать вожделенные деньги, вырвутся из нужды, заживут на широкую ногу, помогут детям-внукам. Однако «новая торговая площадка» не открывалась из недели в неделю, из месяца в месяц. Кое-кто понял, что долгожданной работы не будет никогда. Побежал с жалобами.

— Вас никто не заставлял платить за обучение! — отвечали бывшим «студентам». — Оснований для возбуждения уголовных дел по факту мошенничества не имеется.

Лишь публикации в прессе остановили поток желающих трудиться в «международных фирмах». Евгений Анатольевич не приуныл. Закупил множество комплектов спецодежды. Дал объявления в газетах наборе работников на складах. Жалование предлагалось хорошее и выплачивалось оно сразу после отработанной смены. Будущим сотрудникам складов рассказывалось о том, что они будут работать с сигаретами, спиртными напитками, парфюмерией, бытовой химией. Потянулись не только старики, но и молодежь, люди средних лет, коих манила не столько перспектива получить деньги сразу и сейчас, сколько возможность поворовать ходовые товары, продать их по «сходной цене». Правда, прежде чем начать работать надлежало купить комплект спецодежды, не очень дешево, но и не очень дорого. Народ шел на это в предвкушении поживы. Потом оказывалось, что новый склад еще не открылся, а на имевшиеся пока нет вакансий. Разумеется, никаких складов не было и в помине. Зато Стародубцев купил себе квартиру в новом, «элитном» доме, обзавелся средней руки иномаркой, купив предварительно водительские права, мотался на Кипр с его безвизовым въездом, Черногорию, полюбившийся Таиланд. В отличие от «старья» публика моложе начала скандалить, обвинять в «кидалове», требовать возврата денег за бесполезную униформу. С такими разбирались «бычки» Бейрута. Выводили из заведения, наиболее агрессивным «выписывали в репу», приговаривая:

— Тебя — дурака никто не заставлял покупать шмотки. Ты их успел поносить, теперь за рвань «бабло» требуешь. Ты сам — кидала низкий.

Как-то «бычки» не успели. В лом было срываться с места, лететь на разборку. А Евгений Анатольевич схлопотал по башке. Он явился к Бейруту с жалобой и фингалами вокруг глаз, словно темно-синими очками.

— Бейрутик, за что я отстёгиваю?! — спросил он. — Мне теперь две недели на работе нельзя показаться.

— Нам твоя отстёжка все равно, что для тебя три копейки, — поморщился Карапетян. — Пацанов оштрафую. Подумаю, как их еще наказать. Потому что в самой Библии сказано: «Кто не верен в малом, не верен и в большом».

Выйдя от Бейрута, Стародубцев решил перекусить. Уже в машине глянул на себя в зеркало.

— С такой рожей даже в дешевый кабак не пустят. В самый задрипанный бордель тоже не пустят. Из магазина «Азбука вкуса» тоже попрут...

Заскочил в «Пятерочку» там видели всяких покупателей, особенно приходивших за опохмелкой к открытию. Достал все-таки из «бардачка» темные очки, привезенные по лету из Доминиканы, дабы избежать «сочувственных» вопросов от алкашей в надежде, что им подадут на выпивку. «Отоварился». Дома раскидал покупки по полкам холодильника, вытащил бутылку дорогой водки «Севрюга». Выпил полстакана, закусил красной икоркой, плюхнулся на диван, закурил. Взгляд Евгения Анатольевича скользнул по странице рекламной газеты. С нее предлагали услуги многочисленные экстрасенсы, народные целители, знахари, колдуны, ведьмы.

— Сколько же вас, аферисты и аферистки! — хмыкнул Жека и заработал мозгами. — Вот бы всех их, б... ей, собрать под одну крышу. Какие «бабки» заработать можно! Все равно с курсами, да складской торговлей надо «завязывать». Сегодня менты на эти дела сквозь пальцы смотрят. Завтра по статье сто пятьдесят девять УК Российской Федерации «Мошенничество» заметут. А у меня не просто мошенничество — мошенничество в особо крупном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Хоть судимость с меня снята, в ментовских компьютерах болтаюсь. Следовательно — рецидивист. Значит, огребу максимальный срок лишения свободы. Вовремя интересная тема нарисовалась! А так называемые пациенты все равно передохнут и жаловаться никуда не пойдут.

Больше в тот день он не пил. Подсчитывал, во сколько обойдется аренда кол-центра, сколько платить «ясновидящим» и прочим, прикидывал, где и как их найти. Утром потопал в «Пятерочку» в сопредельном микрорайоне. Быстро нашел забулдыжного дедка, собиравшего на четвертинку. Завязал разговор, показал из-под очков фингалы, сказал, что надо полечиться. Взял литр водки. Дедок, оказавшийся вдовцом, пригласил «полечиться» к себе. Окосел старый с половины стакана. После второй половины захрапел, раскинувшись на продавленном диване. Стародубцев стер с початой бутылки отпечатки пальцев. Вторую бутылку забрал с собой, вдруг еще пригодится. Затем прошелся по дедушкиным карманам. Выгреб из них паспорт. Ради него и связался со старпердом. Потом заскочил к нотариусу Оксане, которая в свое время оформила дарственную на «сталинку» для Бейрута. Девица уже несколько лет оформляла Стародубцеву договоры на аренду помещений, куплю-продажу недвижимости и движимости. Работала хорошо, четко, грамотно. Недаром бандиты вели через нее имущественные дела. Положил Евгений Анатольевич на Оксану глаз. Сводил в дорогой ресторан. После предложил заехать к нему или к ней, попить кофейку. Получил ответ:

— Меня, Женя, после ресторанов трахают люди с совсем другими капиталами. Пока я тебе не по карману. А по делам звони! Всегда помогу!

Помощницы Оксаны в два дня подыскали Стародубцеву помещение в кол-центре, оформили все необходимые документы, зарегистрировали, разумеется, на дедка фирму. Даже дали объявления в газете о приеме на работу лиц, обладающих экстрасенсорными способностями, дипломированных врачей, знахарей, народных целителей. Когда в первый рабочий день Евгений Александрович появился на новой месте, зазвонил мобильник.

— Жека! Больничным больничным, а комплекты спецодежды заканчиваются. Срочно нужна новая партия, — сообщила менеджер, оставленная «на хозяйстве» на время «болезни» главы фирмы. — Кроме того, срок аренды истекает. Хозяин помещения спрашивает: будем ли продлевать и когда внесем плату за текущий месяц? Да еще пара пропойц требуют, чтобы

мы вернули им деньги за униформу, поскольку уже три месяца работы на складе не даем, все «завтраками» кормим. Подогнал бы «быков», чтобы пьянь турнули.

— Все, все решу! И «быков» подгоню, и назавтра поставку новой партии «спецухи» закажу, и вопрос по аренде с платежами улажу! — пообещал мошенник.

Затем вытащил симку из мобильного, выбросил ее в форточку, в сугроб. Вставил новую. Он, конечно же, не собирался никого вызывать, ничего не заказывать, ничего никому не платить, включая уже бывших подчиненных — хабалистых молодок. Все договоры в свое время были заключены по паспорту сорокалетней алкоголички. В случае чего — вопросы к ней! Ну а явятся менты или «крутые» — девки тут же разбегутся. Кто на другой конец Большого города, кто — вообще домой, в российскую провинцию. Будут лишь костерить Жеку-мошенника, проклинать его, лелеять планы мести. Ничего этого Евгений Анатольевич не боялся.

Лишь появились объявления в газетах, повалил народ. Молодые люди с нагло-пронзительными глазами, хитрющие девицы, плутоватые бабки — колдуньи и прорицательницы, народные целители всех возрастов. Показывали дипломы о высшем образовании, купленные в подземных переходах, удостоверения докторов медицинских наук, приобретенные там же, разноцветные грамоты с огромными, как правило, золотыми печатями. Женька требовал, чтобы работники правильно говорили по-русски. Особенно те, кто вел первоначальный прием граждан по телефону и скайпу, распределял их по «специалистам». На эти должности брал учителей русского языка и литературы. Платил сдельно — процент от общей выручки с обманутых клиентов-пациентов.

— Сколько бы вы хотели у нас заработать? — спрашивал он новичков.

— Ну, тысяч триста...

— Напишите эту сумму большими цифрами и постоянно держите ее перед глазами. Постоянно думайте о ней и заработаете!

Со временем аппетиты подручных возрастали. Триста тысяч сменяли миллион-полтора, а кое у кого — все три. От жаждущих получить исцеление отбоя не было. А лечили мошенники все: рак всех видов, СПИД, болезни позвоночника, любые недуги внутренних органов, инфаркты, инсульты и так далее. Снимали сглаз, порчу, «венец безбрачия», возвращали мужей женам, привораживали любимых, отвращали злых людей, приносили богатство. Работали по фотографиям, скайпу, телефону. При этом многие безнадежные больные почувствовали облегчение. Болезни отступили от них. Разумеется, срабатывала сила самовнушения. Именно она заставляла организм мобилизоваться, подавить на время недуг. Полетели хвалебные отзывы в Интернет, различные рекламные приложения, на кабельные каналы телевидения. Новые люди за большие, а то и очень большие деньги ломались за помощью к подручным Стародубцева. Конец у всех был один: болезни возвращались, скручивали бедаг с новой силой, и уже быстро сводили их в могилы. На сетования родни умерших проходимцы говорили:

— Надо было постоянно у нас лечиться, а ваш муж (жена), отец, (мать) и так далее прекращали курс, как только почувствовали облегчение. Разумеется, в такой ситуации мы бесильны!

Пройдохи знали особенность нашего человека: лишь только болезнь отступит — прекращают ходить по врачам, прекращают лечиться вообще. К тому же, если лечение стоит огромных денег, а их требуют все больше и больше. В результате — больной сам виноват в своей смерти. В такой ситуации у родственников жертв аферистов не возникало даже мысли куда-то идти, жаловаться, и тем более добиваться возбуждения уголовных дел.

Дела фирмы сразу же пошли в гору. Счета Жеки, теперь уже и в офшорах росли как на дрожжах. Он купил-таки «сталинку», некогда «подаренную» Бейруту. Сам Ованес Андраникович переехал в элитный дачный поселок, прозванный еще «при коммунистах» Царским селом. Стародубцев вел дела строго. Лично являлся к началу рабочего дня — к одиннадцати часам. Жестоко штрафовал опоздавших хоть на минуту. Знал: мошенников надо держать строго.

Оттого подручные ходили по струнке, пресмыкаясь перед главарем, донося на подельников, чтобы выслужиться. Все же временами выходили недоразумения. Нанял как-то Евгений Анатольевич пару цыганок — для пробы. Проработали бабенки — потомственные ясновидящие день. Свалили, предварительно порывшись в столах коллег. Пара девиц заявила, что у одной украли на пятьдесят тысяч, у другой на тридцать. Женя хорошо знавший, что не доверявшие никому аферисты, если и оставляют без присмотра, то лишь какую-то мелочь, ответил:

— Да, ладно, девчата, заработаете. Лохов в России на сто лет вперед запасено! А не нравится — валите мошенничать в другое место.

Тем не менее позвонил цыганкам по мобильнику, сказал, что воровать у своих нехорошо и надо вернуть стыренное.

— Приезжай к нам в табор! Обязательно вернем! — получил ответ с наглым хохотком. — Только ты перед этим хорошо жопу вымой и зубы почисти, а то парни у нас уж больно горячие.

Через полгода гадалки снова появились в Большом городе. Предсказывали будущее, снимали порчу, притягивали деньги на съемной квартире, о чем Евгений Анатольевич узнал из объявления в газете. Послал к ним «быков» от Бейрута. Те потом показали фото в смартфоне. На них цыганки были с синяками под глазами.

— Эти, что ли? — спросили Жеку.

— Эти...

— Вот, что мы с ними сделали! — показали следующие фотки, на которых вместо лиц были сплошные кровавые месива с перепуганными заплывшими глазами. — Мы им морды в жопы превратили, руки поломали, все что можно из внутренностей отбили. Инвентарь их колдовской весь изломали. Насиловать не стали — не по понятиям. Вообще-то какие они ясновидящие? Мы им в дверь звоним, а они спрашивают: «Кто там?»

Пять лет к ряду Жека процветал. Решил открыть еще один кол-центр, где работали бы только «медики» — бывшие медсестры с фальшивыми дипломами врачей, да пара отставных фельдшеров, выдававших себя за профессоров медицины. Туда же Стародубцев планировал отправить «народных целителей», знахарей. В главном офисе хотел оставить экстрасенсов, колдунов с ведьмами, всевозможных магов. За этими глаз да глаз нужен! В прошлом году один такой «гипнотизер» снял в ночном клубе, арендованном под корпоратив, тершуся в заведении проститутку. Расплатился с ней банкнотами из «Банка приколов». Аферист — и есть аферист! Качать права сутенеры вместе с «братками» явились в фирму. Принялись требовать от Евгения Анатольевича денег за услуги девки, плюс компенсацию морального ущерба, во много раз превышавшую стоимость работы. Пришлось звонить Бейруту. Тот разъяснил «потерпевшим», что к чему. Те извинились перед Жекой, а пацана забрали с рабочего места. Избили как собаку. Заставили перевести деньги по смартфону с банковского счета на мобильник одного из сводников. Тем временем по приказу Евгения Анатольевича в пластиковый пакет кинули провонявшие ботинки «гипнотизера», его чашку и чайную ложку, не стираный свитер, полбанки дешевого кофе. Все это Стародубцев швырнул едва державшемуся на ногах парню, коего даже не пустил назад в здание.

— Ты уволен! — бросил Жека и повернулся к столпившимся в дверях подручным. — Все праздничное настроение, гад, испортил! Следующий новогодний корпоратив проведем после рождественских каникул! Так, будет отныне! Чтобы учились вести себя культурно!

Грянуло очередное 30 декабря. Половина «сотрудников» взяла отпуск, чтобы до нового года разъехаться: кто «на малую родину», кто на дешевенькие курорты Таиланда или Египта. Сам Евгений Анатольевич собрался в Доминикану. Проводит подчиненных по домам, проконтролирует, чтобы не стали отмечать праздник на рабочих местах, не повредили по пьянке арендованную технику или что еще хуже — устроили пожар — и домой! Там уже ждал упакованный чемодан. Такси было заказано. Потом двенадцать часов перелета и празднование Нового года в ресторане пяти-звездного отеля. Полетят дни под горячим солнцем, в ласковой воде

Атлантического океана, в окружении молоденьких мулаточек и темно-коричневых негритянок из сопредельной Республики Гаити. Хотя Евгений Анатольевич перепробовал все своих подчиненных, на отдых их не брал. Взял как-то в Египет, да в Турцию (там проститутки дорогие и страшные). Потом одна из девиц попыталась затащить его в ЗАГС, другая вообще решила, что она главная в фирме. Пришлось уволить обеих.

По случаю предпраздничного дня работа шла фиговенько. Жека даже решил отпустить народ пораньше. Зазвонил один из его смартфонов.

— Алло! — поднес трубку к уху мошенник.

— Что тяжело, тварь, дышишь? — спросил его незримый собеседник. — Боишься, что за твои дела ответ держать придется?

— Это, что за б... базарит? — возмущенно выдохнул Стародубцев, давно уже отвыкший от такого обращения.

— Ну, какой ты на хрен ясновидящий? — прозвучало некогда слышанное мошенником. — Не знаешь: кто с тобой говорит. Не знаешь, что сейчас умрешь. Бабах!

Евгений Анатольевич увидел, как вместе с креслом поднимается в воздух. Как из разверзнувшегося пола вырвалось, растеклось по помещению пламя, покрывшее повалившихся со стульев пацанов с девчонками. Как из пола поднялся огненный гриб, охвативший Жеку. За собственным воем, он не услышал визга и предсмертных воплей подручных, грохот взрывной волны.

Наших бьют!

— Розанов, Родичев, Хомутов — на выезд! — вошел в комнату оперативной группы начальник «убойного отдела», подполковник Виталий Валентинович Крупин. — Взрыв в офисном центре в Измайловке.

— К гадалке не ходи — бытовой газ! — проворчал старший оперуполномоченный, капитан Иван Родичев.

— Я так же по началу сказал, — выразительно посмотрел на него подполковник. — Разъяснили, что в этом здании никогда газа не было. Оно построено в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году для районного Дворца пионеров. Опасались, что в случае утечки могут пострадать дети. Поэтому все делалось на электричестве. Даже блюда для столовой и буфета привозились с комбината детского питания, а потом разогревались на мармитах.

— Да, что в Измайловке своего отдела внутренних дел нет? — как всегда в таких случаях начал старший опергруппы майор Алексей Розанов.

— Объясняю для непонятливых, — ответил как всегда начальник отдела. — Предполагается подрыв с многочисленными жертвами. Наша компетенция!

— Ничего себе, старый год уходит! — вырвалось у оперуполномоченного Юрия Хомутова.

— Как уходит, так и уходит! Куда деваться? Всем получить противогазы! Ребята из МЧС говорят, что при последней реконструкции, когда Дворец пионеров переделывали в офисный центр, использовали химические материалы, выделяющие при горении массу опасных для организма веществ. Выветриваться весь этот угар будет, минимум, месяц, а время не ждет!

— Вы с нами едете? — уточнил Розанов.

— Не хотелось бы, но придется, — вздохнул Виталий Валентинович. — Уж, больно резонансное наклеывается дело...

Удалось избежать предновогодних пробок, довольно быстро доехать до Измайловки. Неподалеку от офисного центра ждало местное начальство, полицейские, оцепившие место происшествия, эвакуированные из здания работники фирм и фирмочек, арендовавших помещения, кол-центры. Водили видеокамерами операторы с различных каналов телевидения, позировали перед ними репортеры и тележурналистки. Из самого строения несло горелым мясом и какой-то омерзительной, жженой химией. Поздоровались с местными коллегами, надели противогазы, вошли внутрь. Судебно-медицинский эксперт Трофимыч сидел над остовом сгоревшего до скелета человека. Криминалисты рыскали по углам, брали пробы спаленных материалов со стен и полов, из воздуха. Опергруппа покрутилась среди того, что еще совсем недавно было людьми, компьютерами, телефонами, мебелью. Кроме костей, оплавленного металла и пластика сгорело все. Даже когда открыли сейф, нашли в нем только пепел. Подъехали «труповозки». В них стали грузить останки, уложенные в черные пластиковые пакеты, общим количеством полтора десятка. Пришлось использовать пожарный выход, предварительно разгрузив его от всевозможного хлама. Журналисты было метнулись туда, но их поперли менты из оцепления. Леденящих кровь кадров не получилось. Прибыл на место хозяин центра — подкаченный, наглый парень.

— Вот, тебе и хрен! А у меня билет на Мальдивы! Ночью улетаю! — с сожалением, но отнюдь не о погибших, выдал он.

— Возьмите с него подписку о невыезде! — велел Крупин. — Все договоры об аренде помещений временно изъять! Кто снимал кол-центр, где произошел взрыв?

— Старло какое-то... А, ты, мужик, кто такой, чтобы в моем центре распоряжаться, да командовать, что мне делать?

— Начальник «убойного отдела» Главного управления внутренних дел по Большому городу, подполковник Крупин, — показал ему удостоверение Виталий Валентинович и обернулся к сотрудникам МЧС. — Кабинет владельца не пострадал?

— Он в другом крыле здания. Не пострадал.

— Дайте ему противогаз! Родичев, Хомутов! Проводите гражданина в кабинет, взять договоры, выдать расписку об изъятии документов! Розанов! Изъять съемку со всех камер видеонаблюдения! Что скажешь, Трофимыч? — кивнул он вышедшему из дома судмедэксперту.

— Похоже, напалм. Так, выгорает при его боевом применении.

— Трофимыч, ты в каком времени пребываешь? — хохотнул подполковник. — Весь напалм, который был в Советском Союзе, уничтожили еще в начале девяностых годов прошлого века!

— Выходит, не весь. Думаю, наши эксперты и эксперты МЧС это подтвердят.

— Установить личности потерпевших с помощью анализа ДНК имеется возможность?

— Откуда, родимый? — хохотнул уже Трофимыч. — Выгорело все! Уцелел лишь фрагмент задницы одного из пострадавших. Кресло, в коем он сидел, защитило.

— Задница старческая? А то хозяин заведения утверждает, что кол-центр у него арендовал старик...

— Нет, принадлежала мужчине лет тридцати пяти — сорока. Единственно, что сохранилось — татуировка: буквы «Ж» на левой ягодице и «К» — на правой.

— Жека, Женя, Евгений, — влез Хомутов, вернувшийся с документами.

— Нет, не Евгений арендатор был, — возразил хозяин центра. — Максим Романович Веревкин, проживающий по адресу: Захолминская улица, дом десять, квартира пятьдесят, снимал. Вот, договор, и копия паспорта. Кто оплатит мне убытки?! Кол-центр — вдрызг. Пара офисов за стенками выгорели полностью. Еще пара офисов пострадала. Коридор частично выгорел. Окна в здании выбиты взрывом. Подвал частично обрушен. Одних компьютеров на миллион погибло. Подстанция для кол-центра восстановлению не подлежит. Мой отпуск накрылся! Поездка на Мальдивы, знаешь, сколько стоит?

— Кто взрывал — тот и оплатит! А пока его ищем — страховая компания.

— Страховщики оплатят! Держи карман шире! С ними еще побороться придется, чтобы оплатили...

— Скажи, мил-человек, почему ты офис сдавал замшелому старику, глубокому пенсионеру, да еще и крепко пьющему? — глянул на копию паспорта «арендатора» Виталий Валентинович.

— Мне по барабану: молодой или старый, пьющий или не пьющий! Главное, чтобы вовремя за помещение, за свет-воду платил. А взорванная фирма платила аккуратно. Кстати, хотела у меня еще один кол-центр снять.

— Кто конкретно?

— Да тетка какая-то справлялась: есть ли помещения?

— Пока все! Родичев, Хомутов, сгонять на Захолминскую улицу, допросить Веревкина! Розанов — в главк! Составлять план следственно-розыскных мероприятий! — Крупин пошел к машинам.

— Какие версии? — заметались перед ним репортеры, протягивая микрофоны.

— Рабочих версий, как всегда, несколько. Раскрыть их, сами понимаете, пока не имею права. Время покажет: какая из них главная. Поддерживайте связь с нашим пресс-центром! — прошел сквозь толпу подполковник.

На новенькой «Тойоте», купленной Хомутовым в кредит, засветло доехали на другой конец города, в Захолмье.

— А вы к кому, молодые люди? — поинтересовалась одна из сидевших у подъезда старушек.

— Мы к Вережкину Максиму Романовичу, — полез за удостоверением Родичев.

— Вон, он на детской площадке с такими же пьянчугами распивает. Жену своим пьянством в гроб вогнал! Всю площадку загадили! Деваться от них некуда!

По густо струившемуся мату и табачному дыму двинулись к пластиковым горкам и качелям. По краям лавочки восседали двое шкафообразных мордovorотов. Середина скамейки была уставлена бутылками водки, пива, дешевой, но в большом количестве, снедь. Перед ними со стаканом в руке стоял, судя по фигуре, дедок.

— Правду говорят: «Не тот друг, кто напоит, а тот друг, кто опохмелит, — донесся надтреснутый старческий голос.

— Да, ладно, дед Максим! Ты нас тоже сколько раз выручал, когда без «бабла» сидели. Давайте выпьем, чтобы в следующем году у нас было все, а нам за это ничего не было! — благодушно потянувшись стаканом к собутыльникам один из амбалов.

— Здравствуйте, граждане! Нарушаем! Распиваем спиртные напитки и курим на детской площадке. Специально для неграмотных на табличке нарисованы запрещающие знаки! — указал на стенд у лавочки Родичев.

— Да, где ты детей здесь видел?! — нагло обернулся к нему старец.

— Правильно! Какая мать ребенка во двор выпустит, когда вы так себя ведете? — ответил сыщик.

— А ты, мразь, кто такой, чтобы на моем районе мне замечания делать?! — благодушные мгновенно перешло у мордovorота в вспышку ярости.

— Старший оперуполномоченный Главного управления внутренних дел, капитан Родичев, — достал удостоверение Иван.

— Я тебе, гнида, десять таких «красных книжек» покажу! — свободной от стакана рукой пропойца попытался выбить документ из руки Родичева. — Глуши удавов, гнутых!

Мужик опрокинул в себя содержимое стакана, ловко поднялся и отбросив пустую тару попер на Ивана. Второй быстро вскочил, обрушил на Хомутова пустую пивную бутылку. Юрий отпрыгнул и с разворота врезал нападавшему ногой в лоб. Тот перелетел через спинку скамейки, утонул головой в сугробе. Хомутов заметил, как дедок ловко юркнул под ноги Родичева, отступавшего от амбала. Еще мгновение и старший опер, споткнувшись о него, распластался бы на спине.

— Ваня! Сзади! — предупредил сыскарь и в полете долбанул ногой в голову мордovorота.

Тот устоял на ногах, но закачался, «поплыл». Все же пару раз со свистом рассек кулаками воздух. Родичев вовремя среагировал, отшвырнул ногой дедка. Хомутов, тем временем, в прыжке долбанул противника двумя ногами. Отправил его через скамейку в сугроб, в компанию к собутыльнику.

— Пацаны! наших бьют! — заорал старик, попытался свистнуть в два пальца, но уткнулся в снег, получив пинка от Ивана.

— Стоять! — повис над округой вопль.

Двое постовых выпрыгнули из незаметно подъехавшего полицейского автомобиля вразвалочку направились к месту происшествия.

— Сказано же: «Стоять!» — ухватил за воротник драной куртchонки Родичев дедка, попытавшегося улизнуть.

— Ваши документы, граждане! — протянул руку старший наряда, лейтенант. — Да я вас знаю! Вы — Юрий Хомутов — чемпион, многократный призер в восточных единоборствах и единоборствах смешанного стиля. Я — ваш старый фанат. Что случилось?

— Мы закусывали, старый год провожали, — нахально влез старик. — А эти подвалили, потребовали в хамской форме, чтобы мы им налили... Мы бы им налили, ну уж больно нагло и вызывающе они себя вели.

— Не рано провожать начали? А вы, что скажите, товарищи офицеры?

— Собственно, у нас были вопросы к гражданину Веревкину, — ответил Иван. — Но пришлось сделать замечание всей компании за распитие спиртных напитков в общественном месте, курение на детской площадке, сквернословие. Подверглись нападению при исполнении служебных обязанностей.

— Да, вон камера наружного наблюдения, — кивнул на подъезд Юрий. — Если работает, на ней все записано!

— Сгоняй, сержант, изыми запись! — велел лейтенант подчиненному и повернулся к барахтавшимся в сугробе пропойцам. — Подъемчик, граждане, подъемчик!

— Ох, бля, башка гудит! — простонал один из маргиналов.

— Через полчаса пройдет! — ответил Хомутов. — Я вас обоих не сильно, любя!

— Вот именно, любя! — добавил лейтенант. — Он одним ударом убить мог. А двумя — инвалидами сделать. И пили бы вы всю оставшуюся жизнь не водку с пивом, а лекарства. Обществу, кстати, от этого только лучше было бы! Поедем в отдел, составлять протокол. Допрыгались! Хорошо сядете за нападение на сотрудников органов охраны правопорядка!

У лавочки уже начали кружить забулдыжного вида личности, с вождением, посматривавшие на выпивку и закуску.

— Нам бы забрать! — с тоской посмотрел на остатки пиршества один из задержанных.

— Еще чего? Без тебя заберут! Вон, сколько желающих! — кивнул на алкашей старший наряда.

Быстро доехали до местного ОВД. Быстро оформили прием-сдачу задержанных амбалов. Родичев и Хомутов с Веревкиным остались в выделенной им комнате для допросов.

— Предъявите ваши документы, гражданин Веревкин! — велел Иван.

Дед, кряхтя, полез во внутренний карман куртки. Ладонь прошла его насквозь и выперла сквозь большую дыру.

— Посеял где-то, — пробормотал Максим Романович.

— Пять лет назад по вашему паспорту был заключен договор об аренде кол-центра в Измайловке. Ну а вы на основании этого документа назначены генеральным директором фирмы «Ясновидение и нетрадиционная медицина», — начал Родичев.

— Кой хрен — фирма! — взвился дед. — Там, поди, доходы миллионные. А я ни копейки с той фирмы не видел!

— Не только не увидите, поскольку фирма сегодня утром сгорела, да еще придется оплачивать ремонт здания его владельцу, — «успокоил» Хомутов. — Помните: при каких обстоятельствах утратили паспорт? Может быть, распивали с незнакомым вам гражданином или гражданкой?

— Да я, милоч, за последние пять лет со столькими распивал! От Москвы до Питера раком не переставить! Всех не упомнишь!

— Как же вы пять лет без паспорта жили?

— На кой мне паспорт?! На выборы я не хожу. В поликлинике не бываю: проспиртовался так, что ни одна холера не берет! Пенсию получаю по банковской карте. Хотя, в следующем месяце истекает ее срок. Менять надо...

— Думаю, вам ни паспорт, ни банковская карта долго не понадобятся, — сказал Юрий. — Ложный донос, клеветнические измышления — уголовные статьи. Штрафом за административные правонарушения не отделаетесь.

— Ребятки, я попал в это месилово случайно. Мимо проходил. Пацаны пригласили «полечиться» после вчерашнего, — принялся бить на жалость Максим Романович.

— «Лечение» для вас кончилось, а праздники будут безалкогольными — в изоляторе временного содержания. Для ваших собутыльников — тоже! Пишите объяснения: как и при каких обстоятельствах утратили паспорт! Не помните? Так, и напишите!

Оперов пригласил к себе заместитель начальника ОВД.

— Такое дело. У участкового, с «земли» которого вы забрали всю троицу, семья, дети. А у него уже имеется взыскание. Детей жалко...

— А как ваш участковый, товарищ подполковник, вел работу по профилактике правонарушений? — вздохнул Родичев. — Как он осуществлял проверки соблюдения паспортного режима, когда Веревкин пять лет без паспорта жил? Как он следил за порядком на вверенной ему территории, когда на детской площадке пьют, курят, матерятся, мусорят? Не удивлюсь, если на других площадках на «его земле» увижу подобное. Какую воспитательную работу с населением он вел, если среди бела дня пьянь не только оскорбляет работников правоохранительных органов, но даже лезет в драку с ними? За что участковый получил взыскание?

— За слабую воспитательную работу с подчиненными, — крикнул подполковник. — Пришел к нему по лету помощником выпускник нашей академии. Парень молодой, горячий. Полез на него пьяница и хулиган. Взял его лейтенант на прием: бросил через голову. Сломал дебоширу два ребра, вывихнул руку. Как раз шла кампания по выборам в городскую думу. Всякие партии баллотировались. Всякие правозащитники вокруг них крутились. В том числе не очень чистоплотные. Попытались сделать на парне очки. Обвинили в превышении должностных полномочий, в причинении вреда здоровью средней тяжести. С большим трудом мы отстояли лейтенанта от суда. Но из органов пришлось уволить по отрицательным мотивам. Воткнули в частное охранное предприятие. Теперь стоит в магазине «Пятерочка». Воришек ловит, следит за порядком. Участковому пришлось вкатить строгий выговор. С тех пор он маргиналов стороной обходит.

— Мы сами против каких-то судебных процессов. Не до того, — сказал Родичев. — Слышали о сегодняшнем взрыве в офисном центре в Измайловке? Его расследуем...

— Да, по сводкам прошло и по телевидению.

— Может быть, товарищ подполковник, вы материалы на эту троицу у себя подержите? Копии — участковому, чтобы он почаще их в рожи сегодняшним задержанным тыкал. В течение двух лет имеем право привлечь их к уголовной ответственности. Пить они, конечно, не бросят, но поостерегутся. Перенесут свою распивочную на квартиру к деду. Перестанут хамить. Борзота в миг слетит. Только на все праздники их надо в изолятор внутреннего содержания определить!

— Вот, это с огромным удовольствием! Спасибо за понимание! С наступающим Новым годом, товарищи офицеры!

В главке подждал Крупин.

— Юра, сходи, быстро перекуси! Нам в одно место заехать надо! Потолковать с некой Оксаной Александровной Бродовской. Она хозяйка частной нотариальной конторы. По данным смежников бандиты прокручивают через ее фирму многие дела. Дамочка высокомерная — с вами разговаривать не станет. Нужен мой уровень. Поможешь протокол допроса свидетеля составить!

На машине Виталия Валентиновича быстро доехали до конторы Бродовской.

— Куда? — преградил путь дюжий охранник в черном костюме, пренебрежительно глянув на небогато одетых сыщиков.

— С Оксаной Александровной поговорить, — показал удостоверение Крупин.

— Оксана Александровна сегодня не принимает! После праздников заходите! Будет время — примет.

— Мое служебное удостоверение ничего не говорит, мил-человек? — попытался пройти начальник отдела.

— Подумаешь, подполковник! Ее генералы ждут! Русским языком сказано: после праздников приходите! — ткнул секьюрити накаченным животом Виталия Валентиновича. — Щас позвоним куда следует — оба погоны, с «красными книжками» потеряете!

— Товарищ не понимает, — отстранил начальника Хомутов.

Вовремя увернулся от удара «рука-кинжал» по печени. Отскочил врзал ногой хаму по почке. Тот ахнул, захватал ртом воздух, со стоном уткнулся в угол. Юрий, увидевший камеру скрытого наблюдения, вытащил из нее флэшку с записью.

— Для отчета, — кивнул он секретарше. — Привлечем вашего бойца к уголовной ответственности за нападение на сотрудников МВД.

Следом за начальником втерся в богато обставленный кабинет.

— Неужели непонятно? Нет сегодня приема! — с неудовольствием оторвалась от дорожного компьютера красотка с пепельными волосами и огромными голубыми глазами, метнула молнии в секретаршу, вошедшую за сыщиками. — Ванда! Я же велела никого не пускать!

— Приношу извинения за визит в неустановленное время и нарушение производственных планов! — подполковник Крупин Виталий Валентинович, Главное управление внутренних дел. У нас к вам несколько вопросов. Мы не зайдем у вас много времени.

— Надеюсь, я не задержана и имею право позвонить моему адвокату? — недовольно поежилась молодая дама, внимательно изучив документы полицейских.

— Разумеется, имеете право!

Позвонила Оксана в другое место.

— Бейрутик! Ко мне какой-то подполковник Крупин ввалился, — проворковала она. — Переключить на громкую связь? Сделала...

— Вот, что куколка, — слышался хриловатый голос вора в законе. — Крупа — мент серьезный. Откатов не берет, нас не боится. Может определить тебя вместо Мальдивов-Сейшел, или куда ты там собралась на Новый год, в камеру. В следственном изоляторе шмары сейчас сидят полностью отмороженные. Шмотки отнимут, фотографию попортят. Могут вообще располосовать. Ответь на его вопросы! Твои дела маленькие: купить-продать, снять-сдать, оформить сделки, организовать их юридическое сопровождение...

— Не по той дорожке пошел, Бейрут! — влез в разговор Виталий Валентинович. — Тебе бы юридическое образование получить. Хороший бы адвокат вышел!

— Я свой выбор, Крупа, сделал! Мои университеты — крытка (тюрьма — жарг.), да зона. Там лучше, чем в любой академии учат. Бывай!

— Чем могу быть полезна? — отключила смартфон Бродовская.

— Пять лет назад ваша нотариальная контора осуществляла юридическое сопровождение сделки по аренде кол-центра в Измайловке неким Веревкиным Максимом Романовичем. На всех документах имеется ваша подпись и печать возглавляемой вами фирмы.

— Разве в этом есть что-то противозаконное? Мы составляем множество подобных документов каждую неделю. Я лично работаю только с постоянными клиентами либо с лицами, заключающими особо крупные сделки. С остальными занимаются мои помощники. Я не могу держать в памяти всех Веревкиных...

— И никого не смутило, что Веревкин — пенсионер с большим стажем, к тому же крепко пьющий?

— Главное, чтобы был в здравом уме и твердой памяти. Других мои сотрудники попросту отправляют восвояси. А я обязана доверять своим работникам! Да, оформление документов по этой аренде проводила Лизочка Приходько, — прошлась холеными пальчиками по клавиатуре компьютера Оксана. — Ровно пять лет назад!

— Где мы можем найти Лизочку?

— Боюсь, это сложно. Четыре года назад она уволилась. Имела неосторожность влюбиться. Ее гражданский муж всю жизнь мечтал жить на берегу теплого моря и, разумеется, не работать. Они уехали в Таиланд. Купили квартиру не то в Паттайе, не то на Пхукете.

— В Таиланде тоже на что-то надо жить, — проворчал Виталий Валентинович.

— У Лизочки осталась хорошая квартира в Большом городе. Сдает. Плюс, прокручивает какие-то деньги в банке. На жизнь хватает.

— Вы знаете, что сегодня произошел взрыв в бизнес-центре в Измайловке? Именно в том помещении, что арендовал Веревкин.

— Что-то мелькало в телепрограмме...

— Один из пострадавших — некий Евгений...

— Я там никого не знаю! Слишком мелкая сделка. Если бы Веревкин арендовал все здание, тогда кто-нибудь, вероятно, мне был известен. Что-нибудь еще?

— Благодарим! Капитан, у вас готов протокол?

— Так, точно! Прошу ознакомиться и подписать!

— Надеюсь, я могу покинуть Большой город на пару недель? — спросила Оксана, подписав бумаги.

— Конечно! Тем более за эти две недели, как я полагаю, вы вряд ли еще что-нибудь вспомните. Хорошего Нового года! — направился к выходу Крупин.

Едва он потянулся к дверной ручке, в кабинет ввалились двое патрульных. За ними секретарша Ванда и побитый охранник.

— Так, граждане, незаконное проникновение на территорию частной собственности. Нанесение побоев сотруднику частного охранного предприятия. Мордами в стену! Руки на головы! Ноги шире! — рявкнул старший лейтенант.

— Подожди, старлей! — миролюбиво сказал Виталий Валентинович. — Ты глянь в наши удостоверения!

— Мордой в стену я сказал! — ткнул подполковника в живот дулом автомата мент.

Крупин перехватил оружие, крутанул его, вырвал у старлея, подсечкой свалил его на пол. Юрий обезоружил старшего сержанта, сбил того с ног.

— Ох, не надо мужики! — заелозили по полу служивые.

— Мужики в колхозе пашут! А с тобой говорит подполковник полиции, начальник «убойного отдела» Крупин! Ткни харю в удостоверение личности! Капитан Хомутов! Предъявите бойцам ваши документы! Теперь встать и представиться, как положено!

— Старший лейтенант патрульно-постовой службы Куделькин и старший сержант Васюков. Прибыли по вызову. Сработала «тревожная кнопка». Извините, товарищ подполковник, недоразумение вышло... А, вас, товарищ капитан, я узнал...

— Слышал уже сегодня: чемпион, многократный призер.

— Мы, когда вы выступаете, за вас всем отделом болеем!

— Ладно, болельщики! Берите оружие! По случаю праздника прощаем. Хотя столько нарушений всего за две минуты! Да и боевая подготовка у вас слабенькая! Учите уставы и тренируйтесь! Да, капитан, флэшку из видеокмеры в кабинете изымите! Расписку об изъятии оставьте Оксане Александровне!

Ловкими движениями Юрий извлек записи из видеокмер, коих оказалось аж две. Дал подписать расписку, слегка ошалевшей Бродовской.

— Ванда, — обратилась та к секретарше. — Кто нажал на «тревожную кнопку»?

— Он, Оксана Александровна, — кивнула девица на охранника.

— Свяжи меня с генеральным директором ЧОПа! Ты что за олуха ко мне сегодня прислал? Уволить! Немедленно! Да с тем, кто придет к нему на смену пришли флэшки! У меня все, что было в камерах забрали. Кто? Не твое дело! — слышал Хомутов чутким ухом, уже в приемной.

На выходе полицейских поджидало человек шесть охранников из фирмы, ведавшей безопасностью компаний, расположенных в здании. Поигрывая дубинками, они направились к ментам.

— Свали, старлей! — протянул несколько тысячных банкнот один из них Куделькину. — Мы сейчас козлов за город отвезем. Чуток поучим, как наших бить!

— С ума сошел! Это — сам Крупин!

— Мне по барабану: Крупин-Х... нин! Они нашего пацана отметелили. Должны ответить! Мы им ручонки поломаем. Ножонки — тоже. В больничке Новый год встретят!

— Ну, мы, пожалуй, поедем, — заюлил старший лейтенант.

— Стоять! Как старший по званию приказываю: оружие к бою! — вытащил пистолет Виталий Валентинович. — Не совершай старшой преступления!

— Напугал своей «пукалкой»! — презрительно сплюнул, старший из чоповцев. — Ты стрельбой кого-нибудь на улице зацепишь. Сам же и сядешь!

Внезапно он бросился на Крупина, занес над головой дубинку. Хомутов был начеку. Врезал ногой по щеке нападавшему, добавил кулаком, когда тот падал на асфальт. Остальные охранники, привыкшие к всевластию и вседозволенности, растерялись, отпрянули.

— Делаю предупредительный выстрел в воздух! Затем открываю огонь на поражение! — поднял вверх пистолет Виталий Валентинович.

— Бросьте дубинки, мужики! — заметался Куделькин. — Эти всех вас отстреляют — глазом не моргнут!

— Командуй, старлей! Это — единственное, что у тебя хорошо получается!

— Мордой в землю! Руки на голову! — передернул затвором старший лейтенант.

Охранники бросили дубинки, быстро легли ничком на асфальт.

— Ох, больно! — простонал попытавшийся напасть на Крупина.

— Для того и бьют, что бы больно было, — ласково сказал Виталий Валентинович, крепко наступив ногой на шею поверженного противника. — Ты не поймешь, что, нарушая закон, делал плохо. Не поймешь, что делал плохо, глумясь над мной, втаптывая в грязь мое человеческое достоинство. Ты поймешь другое: еще раз так сделаешь — снова будет больно! Пакуй его, сержант! Старший лейтенант, вызывай подмогу! Скажи, чтобы «воронок-буханку» прислали! В машинах поменьше они с перепугу либо на конвойных кинутся, либо начнут предлагать им взятку, чтобы отпустили. Капитан Хомутов! Вон, камера наружного слежения. Изъять запись!

— Далеко направился? — тормознул Юрий выходявшего из здания охранника, которого побил в приемной Бродовской. — А ну до кучи! Мордой в землю!

Подмога из местного ОВД прибыла быстро. Погрузили охранников в «черный ворон». Следом поехали Крупин с Хомутовым на персональной машине Виталия Валентиновича. Потом давали показания дознавателям, писали объяснения, подписывали протоколы.

— Сколько времени на этих уродцев потеряли! — вздохнул подполковник. — Как же девальвировано звание полицейского, когда любое чмо может применить к нему насильственные действия? На удостоверения личности плюют! На мундиры-погоны плюют! Понимать начинают, только, когда сапогом по роже!

— Рыба тухнет с головы, товарищ подполковник, — развил тему Юрий, чтобы скоротать дорогу. — Богатые и очень богатые люди всегда могут откупиться. Потому считают, что им все дозволено. Быдло смотрит на них и тоже совершенно искренне считает, что и ему все дозволено.

В главке уже ждал Розанов с подготовленным планом следственно-розыскных мероприятий. Едва Крупин просмотрел документ, как его вызвали к Большому начальнику.

— Наслышан о вашем геройстве, подполковник! Как твой Хомутов людей избил, тоже наслышан! Кто этому архаровцу позволил руки-ноги распускать?

— Во время следственно-розыскных мероприятий я подвергся нападению, товарищ генерал. — Капитан Хомутов, действовал в рамках устава, можно сказать, закрыл меня своей грудью. Имеется видеозапись происшествия. В боевой обстановке за подобный поступок награждают...

— Я сам наглый, но таких наглых как ты не видел! Может быть, твоего Хомутова к Герою России представить, а тебя к Ордену Андрея Первозванного? — напомнил Большой начальник слова, сказанные им Крупину несколько месяцев назад. — Задницы у вас не слипнутся?

— От таких наград слипнутся, товарищ генерал. Полагаю, достаточно премирование Хомутова в размере месячного должностного оклада. Молодая семья, кредит за машину выплачивает...

— Ладно! Оставь рапорт в секретариате! Я завтра гляну, а после праздников подумаю, как капитана поощрить. Если он еще кого-нибудь не покалечит. Вот, что еще. Вы среди охранников из ЧОП «Геракл» замели парнишку. Он из хорошей семьи. Окончил нашу академию. Служил в Центральном муниципальном округе. Потом уволился по собственному желанию. И нет, чтобы наняться куда-нибудь юристконсультантом, пошел в этот дурной «Геракл».

— Вероятно, «хорошая семья» помогла ему уйти из органов по собственному желанию, а не по отрицательным мотивам. Информация о подобных «отставках» расходуется по юридическим службам так же быстро, как круги по воде. Не взяли... Поставленную задачу понял. Вытащу его после праздников. Есть в законе лазейка, «примирение сторон» называется. А праздники пусть в следственном изоляторе посидит, остальные — тоже. Кроме пары наиболее борзых, которые меня чуть не пришибли, «примирюсь» со всеми.

— Хорошо. План следственно-розыскных мероприятий готов?

— Так точно, товарищ генерал! Также готовы заключения судебно-медицинской и прочих экспертиз.

— Жидковат планчик! — просмотрел документ Большой начальник.

— Пока как в сказке: «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю, что». Уравнение с очень многими неизвестными получается. Останки выгорели так, что установить личности потерпевших даже путем анализа ДНК не представляется возможным. Все документы сгорели. Компьютеры, стационарные телефоны, смартфоны уничтожены огнем. Электронные носители информации выведены из строя и не подлежат восстановлению. Придется после праздников моим подчиненным дежурить у офисного центра, отлавливать вернувшихся из отпусков сотрудников фирмы «Ясновидение и нетрадиционная медицина». Она арендовала кол-центр. С их помощью попробуем установить личности погибших.

— Думаешь, кое-кто уцелел?

— Обнаружено пятнадцать останков. В кол-центре, согласно документации, тридцать рабочих мест. Не исключаю, что половина «ясновидящих» отбыла на новогодние праздники.

— Так, половину и отпустили?

— У них не у нас. Нашарлатанил, чтобы круто отдохнуть — гуляй!

— Считаешь нетрадиционную медицину шарлатанством?

— После смерти моего десятилетнего сына и традиционную, и нетрадиционную медицину считаю шарлатанством. Ясновидение — тем более! Главная версия — месть конкурентов. Дела у фирмы шли хорошо. Своевременно вносили арендную плату, аккуратно рассчитывались по остальным платежам. Хотели снять еще одно помещение для кол-центра. Скорее всего, кому-то перешли дорогу и поплатились. Работа предстоит немалая. В Большом городе десятки подобных заведений. Вторая версия — месть кого-то из пациентов, угробленных стараниями так называемых «врачей» и «провидцев». В этом направлении тоже пока тупиковый вариант — вся документация погибла и установить клиентов-пациентов на сегодняшний день не представляется возможным. Третья версия — расправа уголовно-преступных элементов. Мало заплатили или вообще не захотели платить — вот и получили! Эти маги-чародеи крепко

обнаглели. Случается, сами угрожают бандитам: «Такую порчу наведем — мало не покажется!» Однако для этой версии опять же требуется установление личностей потерпевших и выявление их связей. Единственная зацепка — фрагмент обгорелых ягодич с вытатуированными буквами «Ж» и «К»: Жека, Женя, Евгений. Придется проверить всех Евгениев, купивших, но не воспользовавшихся авиа и железнодорожными билетами на тридцатое декабря, первое и второе января...

— Почему тридцать первого декабря пропустил?

— Кому хочется провести Новый год на борту самолета? Ну а после второго января практически ни у кого нет желания куда-то ехать. Новогодние праздники в этом году короткие — всего неделя. Есть еще одна зацепка. На месте происшествия обнаружены следы напалма...

— Ты, подполковник, в каком веке живешь? Если в Советском Союзе и был напалм, его весь уничтожили в начале девяностых, в соответствии с договорами о конверсии.

— Я так тоже нашему Трофимычу сказал. Оказывается, не весь.

— У тебя уже одно известное появилось! Надлежит выявить на каком складе напалм не уничтожен, затем проследить его оборот.

— Во-первых, кто нам даст такие сведения?

— Министерство обороны даст! Надо будет, решим вопрос на уровне министров. Что во-вторых?

— Наверняка, на бумаге весь он списан и уничтожен. Лица, занимавшиеся этим делом, уже либо на пенсии, либо на кладбище. С пенсионеров спрос не велик: «Не знаю, не помню и вообще давал подписку о неразглашении информации, содержащей государственную тайну».

— Ладно! План мероприятий утверждаю! Вы там на Новый год много не пейте!

— У нас, товарищ генерал, Новый год традиционно слабоалкогольный! Самая работа в его канун, новогоднюю ночь и первого января.

Запас лохов

Резонансных убийств на Новый год не было. «Бытовуха», с которой вполне справились муниципальные отделы внутренних дел. Не смотря на «затишье», целиком отгулять праздники дали только Ивану Родичеву — отцу двоих детей. Хомутов пробил по базам всех Евгениев, покидавших Большой город в канун Нового года и пару первых новогодних дней. На железной дороге Евгениев, купивших билеты, но не использовавших их не оказалось. Зато на авиатранспорте «всплыло» четверо. Один из них крепко перебрал в новогоднюю ночь и угодил с инфарктом в больницу. Второй, возвращаясь с корпоратива, поскользнулся и сломал ногу. У третьего утром тридцатого декабря скоропостижно скончалась мать. Лишь по четвертому — Евгению Анатольевичу Стародубцеву по началу не было информации. Ни домашний, ни мобильный его телефоны не отвечали. По базе данных установили, что указанный гражданин числится заместителем генерального директора одной из многочисленных фирм. Связались с генеральным директором. Тот пребывал на своей зимней даче. Ответил, что Стародубцев не работает и никогда не работал в его заведении. Ну а поскольку дал о себе не достоверные данные, то уже никогда не будет работать в нем. Обратились к архивам, благо они были давно отцифрованы. Установили, что Евгений Анатольевич Стародубцев, уроженец города Стародуб Брянской области в свое время был осужден за мошенничество. Отбыв срок наказания, вернулся в Большой город, где совершил преступление. Ныне проживает в центре, трудится заместителем генерального директора.

В первый, после праздничный день опергруппа сосредоточилась у бизнес-центра в Измайловке. К зданию подходили и подъезжали на машинах профуристые тетки, прощельжного вида девчата, юркие, наглоглазые пареньки. Ахали, узнав о пожаре, пытались улизнуть. Их перехватывали оперы, вели в специально пригнанный автобус. Набралось, как и предполагали, пятнадцать человек. Отвезли в управление, приступили к допросам. Экстрасенсы и «медики» попытались поначалу артачиться, требовать адвокатов.

— Вот, что, уважаемые! — обратился к ним Крупин. — Пока с вами разговаривают, как со свидетелями. Можно решить вопрос по-другому: передать вас в Отдел по борьбе с экономическими преступлениями. И ждет вас статья сто пятьдесят девятая Уголовного кодекса Российской Федерации: мошенничество в особо крупном размере, совершенное организованной группой лиц. До десяти лет лишения свободы! Поэтому в ваших же интересах правдиво и подробно отвечать на вопросы сотрудников вверенного мне отдела.

Хомутову досталась первой миловидная дамочка лет пятидесяти. Он быстро ввел в компьютер ее паспортные данные. Медсестра, родом из Воронежа, прибыла шесть лет назад в Большой город для работы в больнице номер три. Через год уволилась. Заполнив анкетные данные, Юрий задал первый вопрос:

— Лидия Львовна, чем вы занимались в фирме «Ясновидение и нетрадиционная медицина»?

— Я — дипломированный доктор. Начинала как врач-терапевт. Потом перешла на нетрадиционные методы лечения болезней...

— Диплом врача ты, поди, у станции метро купила, — про себя подумал капитан и продолжил. — Кому вы непосредственно подчинялись?

— Все мы подчинялись Евгению Анатольевичу. Правда, фамилию его я не знаю. Никто ее не знает. Да и зачем? Была интересная, высокооплачиваемая работа. Были исцеленные люди, в том числе и от неизлечимых на сегодняшний день болезней. Например, от запущенного рака, тяжелейших инсультов, даже СПИДа!

— Случалось, что Евгения Анатольевича кто-то называл Жекой?

— Девчонки, с которыми он по несколько раз переспал. Исключительно во внеслужебной обстановке. На людях — только Евгений Анатольевич. Одна из девочек как-то назвала его сокращенно — сразу же была уволена!

— Прямо так, сразу? А как же Трудовой кодекс?

— Ну, какой Трудовой кодекс? Какие трудовые книжки? Мы зарабатывали столько, что все это было попросту ненужно!

— Евгений Анатольевич не планировал остаться в Большом городе на праздники?

— Нет, он хотел встретить Новый год в Доминикане. Любил туда ездить... У него даже билет был в ночь с тридцатое на тридцать первое декабря. Да, вот у вашего коллеги Дана сидит. Она мне про билет сказала.

— Какие-то особые знаки: татуировки, шрамы на лице, руках, теле у Евгения Анатольевича были?

— Шрамов не было. Татуировки? Как вам сказать? Уж больно деликатное это дело...

— А вы скажите, как есть! Не мне вам рассказывать: в кабинете у врача показывают все, что он попросит. Мы — тоже своего рода врачи. Лечим общество от опухолей, язв, гнойников.

— На ягодицах у Евгения Анатольевича, рядом с анальным отверстием, ну это откуда кал идет во время акта дефекации...

— Благодарю! Я изучал основы анатомии в Академии МВД — специфика работы. Дальше!

— На ягодицах Евгения Анатольевича были выколоты буквы «Ж» и «К».

— Эти? — положил Хомутов на стол фото с обгоревшей задницей.

— Эти! — подавила приступ рвоты «доктор». — Боже, Жека сторел!

— Откуда вам известно про данную татуировку?

— Покойный переспал со всеми нами, кроме мужчин. Может быть, и с ними. Разумеется, когда твой партнер голый, а ты равнодушна к нему многое замечаешь...

— Подпишите протокол опознания останков! — придвинул Лидии Львовне бланк Хомутов. — Капитан Родичев и вы, свидетельница, прошу также расписаться в протоколе!

Иван и бледная, косоватая девица, которую он допрашивал, поставили подписи. Девица, правда, чуть не блеванула и попросила воды.

— Когда я пришла, вахтеры рассказали мне про взрыв, — вздохнула Лидия Львовна.

— Были ли у Евгения Анатольевича Стародубцева враги, недоброжелатели, люди, желавшие его физического устранения?

— Не знаю. Стародубцев, как вы его назвали, никого не посвящал в свои секреты, в свои дела. Нам было достаточно немалых денег, кои мы зарабатывали благодаря ему.

— Мог ли желать Стародубцеву смерти кто-то из тех, кого он уволил?

— Желать-то могли. Только как это сделать? Нужны очень большие деньги, чтобы произвести такой взрыв. А все мы, не смотря на прекрасные заработки, несколько ограничены в финансовых возможностях. У всех семьи-дети на малой родине. У меня, например, в Воронеже сын-студент и мать-старушка. Ребенка надо учить, одеть, хорошо накормить. Маме тоже, что-то вкусненькое надо, лекарства, одежда, оплата жилья. Я в Большом городе однокомнатную квартиру купила. Когда сын окончит университет, сюда его перетащу. Потребуется, как минимум «двушка». Самой одеться, прилично выглядеть надо. Съездить отдохнуть в приличное место — в туже Доминикану. Пока даже на машинку не могу наскрести — на метро в воне, в обществе быдла ездить приходится. А потом — убито много народа — это уже пожизненное лишение свободы. Нужно ли ради мести губить себя? Заработать в нашем бизнесе можно всегда. Недаром Жека любил повторять: «Лохов в России запасено на сто лет вперед».

— Фамилии уволенных Стародубцевым можете назвать?

— Откуда?! Мы знали друг друга только по именам. Понятия не имели: кто, где живет.

— Подпишите протокол! — подвинул документ и ручку Юрий. — Свободны! Пожалуйста пропуск на выход из здания. Прошу пока никуда не уезжать!

Вместе с Иваном, одновременно закончившим допрос, вышли за следующими свидетелями. Сами стали свидетелями в миг разыгравшейся драмы.

— Я все слышал, тварь! — метнулся к девице парнишка с лицом закоренелого шарлатана. — Ты этому козлине Жеке давала!

— Это случилось до тебя, милый!

— Проститутки кусок! Знал бы — такую порчу на старого урода навел!

— Эх, ты — маг! Маг у тебя в штанах — большой и мускулистый. А в остальном ты — полное ничтожество! Даже, что я с Евгением Анатольевичем встречалась, распознать не сумел! Вали из моей квартиры! Ключи отдал!

— Хрен тебе, а не ключи! Ты, пока я на допросе, у меня все стыришь!

— Господа офицеры, — обратилась девица к Ивану с Юрием. — Пусть он вернет ключи от моей квартиры!

— Подслушивать под дверью нехорошо! Ключи отдайте! — велел Хомутов. — Не делайте себе плохо!

— Держи! — парень сунул уже бывшей секс-партнерше связку с ключами.

— Твой чемодан со ссаными кальсонами и вонючими кроссовками я оставлю у консьержки! — поигрывая ключами, направилась молодая шарлатанка на выход.

— Что же вы наделали, мужики? Эта бледная спирохета (возбудитель сифилиса — авт.) меня обворует! — заканючил парень.

— Когда обворует, тогда и придешь! Да не к нам, а в муниципальный ОВД, — ответил Родичев. — Пошли со мной! Как фамилия, говоришь?

Остальные допрошенные проходимки, да и парни опознали по наклкам Стародубцева. Оставалось «совсем немного»: установить связи убиенного, на основании их отработать версии. Кто уничтожил мошенника: конкуренты, родные угробленных его подручными клиентов-пациентов или же местные криминальные структуры, коим он не заплатил или «развел на деньги». Виталий Валентинович взял с собой Хомутова. Поехали в центр, на Пушкинский бульвар. Там среди старинных дворянских особняков торчало розово-кирпичное здание, некогда принадлежавшее обкому КПСС. В одной из его квартир обретался король аферистов Мюллер. Старик не хотя пустил сыщиков в богато обставленные апартаменты со старинными картинами на стенах.

— Богато для пенсионера живете, Зигфрид Леопольдович, — зыркнул по убранству начальник «убойного отдела».

— Тяжкими, непосильными трудами нажито... Отчего такая честь, подполковник? — глянул тот в удостоверение Крупина. — Ваш отдел, насколько мне известно, занимается «мокрыми делами».

— По такому делу и хотим поговорить с вами, Зигфрид Леопольдович. Без протокола. Под протокол вы бы давали показания у нас, в Главном управлении. Вам известно о взрыве в бизнес-центре в Измайловке?

— Да, что-то крутилось на радио и по телевизору. Но я — не любитель такой информации. Пропускаю ее. На мою стариковскую психику она действует угнетающе.

— Вам известен этот человек? — Виталий Валентинович показал фотографию Стародубцева.

— Видите ли, подполковник, в Большом городе много всякого народа обретается. Всех держать в памяти — крыша поедет!

— Гражданин Зигфрид Леопольдович Либерзон, известный в криминальных кругах под кличкой Мюллер, вот что осталось от некого Стародубцева Евгения Анатольевича, «погоняло» Жека Стародубский, — показал Крупин еще одну фотографию с обгорелой задницей. — Он

более шести лет крутился в Большом городе. Вам не может быть неизвестно, что Стародубцев через подставных лиц владел фирмой «Ясновидение и нетрадиционная медицина». Ее сотрудники обманывали доверчивых граждан, обещая исцеление от неизлечимых болезней, приворот денег, снятие порчи и многое другое. В ваших же интересах ответить на вопросы, которые мы вам задаем, опять же подчеркиваю, без протокола!

— Я был уверен, что Женечка уехал на Новый год в Доминикану, — потер сердце Зигфрид Леопольдович. — Толковый был молодой человек. Хотел его поставить на мое место. Мне через пару лет на покой уходить надо. Купить домик где-нибудь на Адриатике, жить в свое удовольствие, дышать целебным морским воздухом.

— Кто в ваших кругах был заинтересован в физическом устранении «Женечки»?

— Никто! Залётным надо быстро «срубить бабла» и отвалить. Постоянные каждый свой кусок имеют. У кого-то с маслом, у кого-то еще и с икрой, а кое у кого даже с черной икрой! Нет смысла пожизненно садиться. Как Женечка говаривал: «Лохов в России запасено на сто лет вперед». Временами кого-то привлекают за мошенничество, тогда его кусок делится между другими.

— Может быть, Стародубцев, что-то не додал в «общак» или вообще отказался платить?

— Чтобы не платить «смотрящему» по Большому городу Папе Карло, надо быть самоубийцей! Женечка такого впечатления не производил. Наоборот, он всегда рассчитывался с банковской точностью и пунктуальностью. Никогда не канючил, дескать в этом месяце мало заработал, сделайте скидку! Среди пооткрывавших фирм фуфлыжных целителей тоже искать не стоит. Такая же ситуация, что с кидалами. Нет смысла садиться за массовое убийство. Да и в коленках они слабоваты, чтобы кого-нибудь «грохнуть». Среди родственников болящих, кого жекины «экстрасенсы» на тот свет отправили, ищите! Там, наверняка, отставные или действующие силовики окажутся.

— Благодарим за разговор! — поднялся со старинного полу-кресла Крупин. — Будут проблемы, заглядывайте к нам, в управление!

— Что вы, что вы?! Лучше уж вы ко мне на чашечку кофе!

Уже в лифте Хомутов заметил:

— Вполне интеллигентные манеры, вполне грамотная речь.

— Мюллер всю жизнь себя за образованного человека выдавал. То за профессора, то за доцента, то за главного инженера крупного завода, то за замдиректора предприятия по коммерческой части. Сам, как и Папа Карло, из Одессы. Перебрался в Большой город. Однако здесь никогда не светился. Ездил мошенничать в Питер, во времена СССР — в столицы союзных республик, Харьков, Донецк, Казань, другие мегаполисы. После распада Союза расширил географию. Наследил в ряде стран, в том числе — в Израиле. Нигде не попался в руки полиции. Приехали: первый этаж! А вы в какую квартиру, молодой человек? — тормознул Крупин юркого парнишку, попытавшегося просочиться в лифт.

— В девятую, — скороговоркой ответил парень.

— Документы имеются? — не унимался Виталий Валентинович.

— А ты кто такой? — буркнул парень и метнулся вниз по лестнице к выходу.

Юрий догнал его, увернулся от удара ножом с выбрасывавшимся лезвием. Клинок прошел в сантиметре от опера, чиркнул по стене. Хомутов крутанул руку беглеца, вывернул из нее оружие, крепко стукнул кулаком по затылку. Когда тот, охнув, осел на пол, заковал в наручники.

— За что вяжите, волки позорные?! — заверещал молодой человек на улице, когда его повели к служебной машине Виталия Валентиновича.

— За нападение на сотрудников полиции с применением холодного оружия, — ответил Крупин. — Память да жизненный опыт хрен пропьешь! Всеволод Васильевич Долгих, уроженец города Сургута, «погоняло» Сургут. С утра пришла на тебя ориентировка. Менял фаль-

шивые пятитысячные банкноты на настоящие ассигнации более мелкого номинала. Поехали! Не на «воронке», а на нормальной машине прокатишься!

— Я тоже его сразу припомнил. Может быть, подняться, забрать Мюллера за содержание воровского притона? — предложил Хомутов.

— Мюллер не при делах! — забился уже на сиденье парень. — Я мимо проходил, поссать в подъезд зашел!

— Тоже и Мюллер скажет, — ответил подполковник. — Останется на воле. Купит-таки домик на Адриатике. Ну а ты по новой в места лишения свободы вернешься. Украл, выпил, сел — романтика. Только сядешь уже на долго, поскольку рецидивист. Обороты у тебя миллионные. А это — мошенничество в крупном размере. Плюс накрутят за вооруженное нападение на полицейского. Словом, вспоминай статьи Уголовного кодекса! Подсчитывай, когда из мест лишения свободы откинешься!

— Да, пошел ты! — уткнулся задержанный в окно, с тоской глядя на вольную жизнь, к которой, увы, не скоро вернется.

В управлении сдали паренька. Быстро оформили показания: при каких обстоятельствах задержали. Потом пацанёнок-дознаватель попросил Крупина и Хомутова поучаствовать в первом допросе.

— Рассказывай, Долгих, при каких обстоятельствах к тебе, совсем недавно освободившемуся из МЛС попала крупная сумма денег?

— Зашел в подъезд по малой нужде, а эти набросились, скрутили, затолкали в куртку бабло. Верно, с раскрываемостью у них туго, вот и фальсифицируют факты! — попытался истерить задержанный.

— Не проканаает, Сургут! Проведена экспертиза ассигнаций. На всех только твои отпечатки пальцев. Кстати, товарищ подполковник, фальшивки высшего качества. Не всякая машинка выявит подделку. Сам ты таких бумажек да в таком количестве изготовить не мог — нужна сложная техника и совсем другая, чем у тебя, квалификация. Рассказывай честно! Облегчи свою участь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.